

Vita Luna

ХОЛМЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Vita Лина

ХОЛМЫ

<https://litres.ru/73989591>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алисе восемнадцать. Она светлая, доверчивая и едет в глухую деревню знакомиться с бабушкой жениха. Впереди лето, коровки, чай с вареньем и звёзды, которых не видно в городе.

Но Холмы — не место для светлых. Здесь не ловит связь. Здесь на окне сельпо стоит герань — сигнал для чужих. Здесь по ночам к старому колодцу ходят люди в капюшонах. Здесь сатанисты — не секта, а часть быта: продавщица, участковый, фельдшер, глава деревни. Они не поклоняются злу. Они его кормят. Чтобы не проснулось. Чтобы не вышло наружу.

Алиса не знает, зачем её на самом деле позвали в Холмы. Она не знает, что под деревней, на месте древнего капища, спит Тот, кому нужна невеста. Не жертва — невеста. Раз в сто лет. Светлая. Чистая. Добровольно пришедшая.

Она узнает. Слишком поздно.

Содержание

Глава 1. Дорога в Холмы	4
Глава 2. Деревня	9
Глава 3. Дом ведьмы	16
Глава 4. Похищение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Vita Лина

Холмы

Глава 1. Дорога в Холмы

Алиса сидела на пассажирском, поджав ноги. Русые волосы до пояса, распущенные, с выбившимися у виска прядями. Белое платье в мелкий цветочек, на шее — тонкая серебряная цепочка с кулоном-ангелом. На левой щеке, у самой скулы, — родинка, похожая на крошечную звёздочку. Глаза голубые, светлые, смотрели на мир с тем удивлением, какое бывает только у тех, кто ещё не видел ничего страшнее двойки в школе.

За окном старой «Лады» проплывали поля, перелески, покосившиеся столбы. Асфальт кончился полчаса назад. Теперь машину потряхивало на грунтовке, и Андрей, сжимая руль, хмурился всё сильнее.

— Дрюнь, ну что ты как на похоронах? — Алиса пихнула его локтем. — Там, наверное, коровки, трава зелёная, воздух чистый. Будем пить чай с вареньем, бабушка твоя расскажет старые истории. А вечером гулять пойдём, звёзды смотреть. Их там, наверное, миллион видно!

Андрей не ответил. Только пальцы на руле сжались крепче. Он смотрел на дорогу — вернее, на то, что от неё оста-

лось: две колеи в высокой траве, уходящие в тёмный ельник.

— Андрей? — Алиса перестала улыбаться. — Что случилось? Ты волком на дороге смотришь.

— Да нормально всё, — он наконец повернулся к ней, попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Просто... место это. Не люблю я его. В детстве кошмары снились, как приезжал к бабке. Лес тут... дышит не так.

— Дышит? — Алиса прыснула. — Ты что, мистик? Лес как лес. Смотри, красота какая!

Она достала телефон, подняла к окну — и нахмурилась.

— Связи нет. И навигатор сдох.

— Я же говорил, — Андрей вздохнул. — Тут всегда так. Только у водонапорной башни ловит. И то через раз.

Алиса убрала телефон и снова уставилась в окно. Лес и правда был странный. Густой, тёмный, хотя солнце ещё не село. Ветви нависали над дорогой, смыкались над головой, будто хотели сомкнуть за машиной зелёный занавес. Пахло сырой землёй и грибами. И чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. Как в старом погребе.

— Андрей, — Алиса вдруг подалась вперёд, вглядываясь. — Смотри, там кто-то стоит.

Впереди, метрах в ста, у обочины темнел старый УАЗ с открытым капотом. Рядом стоял коренастый мужик в тёмном пиджаке и кирзовых сапогах. Увидев машину, он поднял руку — мол, тормозните, помощь нужна.

— Ой, человеку плохо! Давай остановимся, поможем!

— Алиса, не надо, — начал Андрей, но она уже отстёгивала ремень.

— Дрюнь, ну что ты как маленький! Тут глушь, если не мы, то кто?

Он сжал зубы, но сбросил скорость. Машина остановилась в облаке пыли.

Мужик подошёл к окну. Невысокий, коренастый, с широкими крестьянскими плечами. Лицо крупное, красноватое, в глубоких морщинах. Глаза маленькие, светлые, очень цепкие. Седые кустистые брови. Нос картошкой. На правой руке не хватало половины мизинца.

— Здорово, молодёжь, — он улыбнулся широко, но глаза остались холодными. — К бабке Нюре, что ль? Внучок её? Андрюха, кажись?

— К ней, — сухо ответил Андрей. — А вы...

— Да Степаныч я. Пётр Степаныч. Глава тут. — Он махнул рукой куда-то в сторону деревни. — В Холмы только эта дорога и ведёт, а чужих машин тут отродясь не было. Вот, гляжу — гости.

Он перевёл взгляд на Алису. Улыбка стала шире, но взгляд — ещё холоднее. Как вода в колодце.

— А это, стало быть, невеста? Ну-ну. Красивая. Светлая. Бабка Нюра обрадуется.

Из леса, от УАЗа, подошёл ещё один — высокий, сутулый, в потрёпанной полицейской форме. Встал за спиной главы, молча перекатывая во рту спичку. Серёга. Участковый. По-

смотрел на Алису — и быстро отвёл глаза, будто стыдно стало.

— Ну, поезжайте, — Пётр Степаныч хлопнул по капоту их машины. — Бабка вас заждалась. А я догоню — у меня тут дела.

— Подождите, — Алиса высунулась из окна. — А как же помощь? У вас же капот открыт! Мы думали, сломались...

Пётр Степаныч остановился. Медленно обернулся. Улыбка стала ещё шире, но глаза — совсем ледяные.

— А, это... — он махнул рукой в сторону УАЗа. — Само заведётся. Оно всегда заводится. С молитвой или с матом — но заводится.

Он хохотнул, но смех вышел сухим, как кашель.

— Езжайте, езжайте. Нечего тут.

И пошёл к своей машине, больше не оборачиваясь.

Алиса проводила его взглядом, нахмурилась.

— Станный он. Сначала машет, помощь нужна, а потом «езжайте». И зачем тогда останавливал?

Андрей тронул машину.

— Не знаю. Но мне он не нравится. Совсем.

Он уже развернулся, но вдруг остановился, наклонился к окну. Голос стал тише:

— Да, и вот что... вы это... ночью из дома не выходите. Тут лес, болота, мало ли что. И к старому колодцу за околицей — ни ногой. Место там нехорошее. Поняли?

Не дожидаясь ответа, он пошёл к своему УАЗу. Серёга

ещё секунду постоял, глядя в землю, потом буркнул: «До-едете — сразу к ней. Не гуляйте» — и ушёл следом.

Андрей завёл мотор. Руки дрожали.

— Вот видишь... странные они тут. Говорил же.

— Да ладно тебе, — Алиса улыбнулась, хотя внутри что-то неприятно сжалось. — Глушь, цивилизации нет. Вот и кажутся чудиками. Всё хорошо.

Машина тронулась. Лес сомкнулся за ними.

До Холмов оставалось два километра.

Глава 2. Деревня

Лес расступился внезапно. Только что над дорогой смыкались тёмные кроны, а в следующую секунду машина вынырнула из ельника — и перед ними открылась деревня.

Алиса подалась вперёд, вглядываясь.

Холмы.

Она ожидала увидеть что-то другое. Ну, знаете, как в фильмах про русскую глубинку: резные наличники, палисадники с мальвами, бабушки на лавочках, куры на дороге. Что-то уютное, пахнущее пирогами и парным молоком.

Вместо этого — покосившиеся избы, вросшие в землю по самые окна. Заборы, которые уже и не заборы — так, труха на подпорках. У дороги ржавел остов трактора, обвитый плющом так плотно, будто сама земля пыталась его поглотить. Над крышами возвышалась водонапорная башня — старая, с облупившейся краской и чёрными потёками на бетоне. Единственное, что выглядело живым — герань на окне сельпо. Ярко-красная, вызывающая. Как крик в тишине.

— Вот и приехали, — тихо сказал Андрей. Голос у него сел, будто он только что пробежал стометровку.

Машина медленно катилась по единственной улице. Алиса крутила головой, пытаясь разглядеть хоть кого-то живым. Деревня казалась вымершей. Ни собак, ни кошек, ни детей. Только ветер гнал пыль по пустой дороге да где-то далеко,

за лесом, раздавался низкий, утробный крик — не то зверя, не то чего-то, чему нет названия.

— А где все? — шёпотом спросила Алиса. — Воскресенье же. Лето. Должны быть люди.

Андрей не ответил. Он смотрел на сельпо.

У крыльца, на перевёрнутом ящике, сидела грузная тётка в цветастом халате. Лузгала семечки, сплёвывая шелуху прямо на землю. Завидев машину, она замерла. Семечки посыпались из руки. Тётка уставилась на них — и вдруг резко встала, опрокинув ящик, и скрылась внутри, громко хлопнув дверью.

— Это ещё что такое? — Алиса растерянно посмотрела на Андрея. — Она нас что, испугалась?

— Не нас, — Андрей смотрел на закрытую дверь сельпо. — А того, что мы здесь. Тут чужих не любят.

— Но мы же не чужие! Ты — внук бабы Нюры. Это же твоя деревня!

— Я уехал пять лет назад, — Андрей сжал руль. — И не возвращался. Для них я теперь чужой. А ты — тем более.

Алиса хотела возразить, но не успела. Машина поравнялась с водонапорной башней, и она увидела их.

Трое. Молодые парни. В чёрных толстовках с капюшонами, хотя на улице стояла духота. Тот, что стоял впереди, был шуплым, невысоким, с острым кадыком и вечно прикушенной нижней губой. Сальные чёрные волосы лезли на глаза, он откидывал их резким движением головы. На шее болталась

дешёвая цепочка с перевернутой пентаграммой. Он смотрел на машину в упор, не мигая. За его спиной маячили ещё двое — такие же чёрные, такие же напряжённые.

Андрей притормозил.

— Это ещё что за упыри... — пробормотал он.

— Андрей, стой, — Алиса уже отстёгивала ремень.

Она распахнула дверцу, выскочила из машины и быстрым шагом направилась к парням.

— Ты куда?! — крикнул Андрей ей в спину.

— Спрошу дорогу! Ты же сам не помнишь, где дом бабушки! — бросила она через плечо, не сбавляя шага.

— Алиса, не надо! Я сам...

Но она уже не слушала.

Парень с пентаграммой вздрогнул, когда она подошла. Не ожидал. Перекатил спичку в уголке рта, прищурился. От него пахло дешёвым энергетиком, потом и травкой.

— Привет! — Алиса улыбнулась своей самой открытой улыбкой. — Я Алиса. Ты не знаешь, где дом бабы Нюры? Ну, Анны Николаевны Соболевой?

Парень моргнул. Спичка выпала изо рта. Он смотрел на неё так, будто она говорила на иностранном языке. За его спиной один из «чёрных» тихо заржал.

— К бабке Нюре? — голос у парня был ломкий, он пытался звучать грозно, но выходило петушино. — Это к ведьме, что ли? Туда... — он махнул рукой куда-то за дома. — По дороге прямо, до старой липы, потом налево. У леса.

Он замолчал. Взгляд его упал на её кулон с ангелом. На белое платье. На ямочки на щеках. Что-то дрогнуло в его лице — не то страх, не то злость, не то отчаяние. Он сглотнул. Отвёл глаза.

— Слышь... Алиса, — сказал он уже тише, без рисовки. — Ты это... Зачем ты сюда приехала? Вали отсюда. Сегодня же. Не место тебе тут.

Один из его дружков пихнул его локтем:

— Колян, ты чё? Пусть идёт к ведьме. Че ты зассал?

Колян дёрнул плечом, отмахнулся. Но смотрел только на Алису. Исподлобья. Зло. Испуганно. Как загнанный зверёк.

Сзади подошёл Андрей. Взял Алису за локоть.

— Отошёл, — жёстко бросил он Коляну.

Тот отступил на шаг. Сплюнул спичку на землю.

— Да пожалуйста. Езжайте к своей ведьме. Только потом не говорите, что я не предупреждал.

Алиса, уже увлекаемая Андреем к машине, обернулась:

— Спасибо, Коля! Что предупредил. Ты хороший, я чувствую.

Колян застыл. Он смотрел ей вслед — и в его глазах было что-то, чего Алиса не разглядела. Жалость? Страх? Зависть? А может, всё сразу.

— «Спасибо»... — пробормотал он себе под нос, когда машина тронулась. — Дура.

И, резко развернувшись, пнул землю и ушёл в проулок, не глядя на своих.

В машине Андрей молчал. Только пальцы, сжимающие руль, побелели.

— Дрюнь, не волнуйся, — Алиса положила ладонь ему на руку. — Он просто мальчишка. Одинокий. Злой на весь мир. Таких в городе полно.

— В городе — да, — Андрей не смотрел на неё. — А здесь... здесь они другие. Ты видела его глаза? Он нас боится. Или... не нас. А того, что мы здесь.

Алиса хотела ответить, но слова застряли в горле. Она снова посмотрела в окно.

Дорога уходила влево, к старой кривой липе. За ней — покосившийся забор, а за забором — дом. Тёмный, старый, с резными наличниками, почерневшими от времени. Крыльцо просело, ступени вросли в землю. На окнах — выцветшие занавески. Во дворе — ни цветов, ни кошек. Только трава по колено и старая телега без колёс. У двери стояло ведро с водой, на воде плавал берёзовый лист — уже жёлтый, хотя лето было в самом разгаре.

Андрей заглушил мотор. В тишине стало слышно, как где-то далеко, за лесом, снова зазвучал тот странный крик — протяжный, вибрирующий, пробирающий до костей.

— Вот и приехали, — сказал он глухо. — Дом бабы Нюры.

Он смотрел на крыльцо, и Алиса видела, как дрожат его руки. Не от страха. От памяти. От детства, которое он так хотел забыть и которое теперь смотрело на него чёрными окнами.

— Андрей, — тихо позвала она. — Ты как?

— Нормально, — он отстегнул ремень. — Пошли. Бабка ждёт.

Дверь дома приоткрылась сама. Или от ветра. Или от того, что кто-то стоял за ней в темноте и смотрел на них.

На крыльцо вышла старуха.

Маленькая, ссохшаяся, как сушёный гриб. В тёмной юбке, старой кофте с заплатками и валенках — в летнюю-то жару. В руке — клюка. Седые волосы собраны в крошечный пучок на затылке. Лицо — как печёное яблоко, всё в глубоких морщинах. Но глаза... глаза были светлые, ясные, совсем не стариковские. Они смотрели не на Андрея. На Алису. Пристально. Долго. Оценивающе.

— Приехала, — сказала старуха скрипучим, но ясным голосом. — Светлая. Ну заходи. Оба заходите. Разговор есть.

Она развернулась и ушла в дом, оставив дверь открытой. Андрей сжал руку Алисы.

— Слушай... — начал он. — Если что-то будет не так — сразу говори. Я тебя отсюда увезу. Обещаю.

— Всё хорошо, — Алиса улыбнулась, хотя внутри что-то неприятно сжалось. — Она же твоя бабушка. Пойдём.

И они шагнули через порог.

В доме пахло травами, воском, чем-то сладким и тяжёлым. В красном углу висели три тёмные иконы. На столе стоял стакан с водой и лежала горбушка чёрного хлеба. У печи, на лавке, уже сидела баба Нюра. Клюку поставила между ко-

лен. Ждала.

— Сядьте, — кивнула она на лавку напротив. — Оба.

Алиса и Андрей сели. Старуха смотрела на них — вернее, на Алису. Молчала. Потом вдруг спросила, резко, без перехода:

— Ты смерти боишься, Алиса?

В доме повисла тишина. Только муха билась о стекло.

И где-то далеко, за лесом, опять раздался этот звук. Низкий. Голодный. Ждущий.

Глава 3. Дом ведьмы

В доме пахло травами, воском и чем-то сладким, тяжёлым — как в старом погребе, куда забыли заглянуть на пару лет. Алиса переступила порог и сразу поёжилась. Не от холода — в избе было душно, даже жарко, — а от чего-то другого. От взгляда, который упёрся ей в спину, хотя баба Нюра сидела впереди, у печи.

Андрей шагнул следом, и половица под ним скрипнула — гулко, протяжно, будто вздохнул кто-то большой и старый.

— Проходите, — сказала баба Нюра, не оборачиваясь. — Нечего у порога мяться. Чай, не в гости к чужим пришли.

Алиса и Андрей переглянулись. Он чуть заметно пожал плечами — мол, я сам ничего не понимаю — и первым прошёл в горницу. Алиса за ним.

Горница была маленькая, но какая-то... плотная. Вещи здесь не просто стояли — они давили. Тёмные иконы в красном углу смотрели строго, почти осуждающе. На столе — стакан с водой и горбушка чёрного хлеба, будто для покойника. На подоконнике — засохший цветок в горшке и огарок свечи, оплывший причудливыми наплывами. На стенах — пучки сухих трав, перевязанные суровой ниткой. Половицы выскоблены до белизны, но в углах темнели пятна — не то сырость, не то что-то другое, о чём не хотелось думать.

Баба Нюра сидела на лавке у печи, поставив клюку между

колен. Смотрела на них — вернее, на Алису — и молчала. Глаза у неё были светлые, выцветшие, но абсолютно ясные. Такой ясности Алиса не видела ни у кого в городе — даже у молодых. Казалось, старуха видит не просто лицо, а что-то под ним. Что-то, что Алиса сама о себе не знала.

— Сядьте, — кивнула баба Нюра на лавку напротив. — Оба.

Они сели. Андрей — ближе к двери, будто готовый в любой момент вскочить и бежать. Алиса — напротив старухи. Та сразу вцепилась в неё взглядом.

— Алиса, значит, — проговорила баба Нюра медленно, будто пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Светлое. Андрюша писал, что невесту привезёт. Не врал.

Андрей напрягся.

— Бабушка, я не...

— Молчи, — перебила она, не повышая голоса, но так, что Андрей осёкся на полуслове. — Не тебе сейчас речь держать. С тобой потом.

Она снова повернулась к Алисе. Взгляд её стал мягче — или это только показалось?

— Ты смерти боишься, Алиса?

Вопрос повис в воздухе, как топор. Алиса вздрогнула — не столько от слов, сколько от тона. Будничного. Спокойного. Как если бы старуха спросила: «Ты чай с сахаром пьёшь или без?»

— А кто не боится? — вырвалось у неё раньше, чем она

успела подумать.

Баба Нюра кивнула — медленно, удовлетворённо.

— Хорошо. Боишься. Значит, не дура. Уже легче.

Она перевела взгляд на Андрея. Тот сидел бледный, сжимал край лавки побелевшими пальцами.

— Андрюша, — сказала баба Нюра тише, но жёстче. — Ты меня знаешь. Я зря слов не трачу. Невеста твоя... особенная. Такие, как она, раз в сто лет рождаются. Светлые. Чистые. Без гнили внутри.

Андрей открыл рот, но старуха снова его перебила:

— Ты сам не понимаешь, кого привёз. Думаешь — девка красивая, добрая, в жёны сгодится. А она — другое. Она — ключ. Или замок. Как посмотреть.

— Бабушка, что ты несёшь?! — Андрей вскочил. — Ты зачем нас звала? Чтобы пугать её?

— Молчи! — клюка ударила об пол, и звук пошёл густой, низкий, будто колокол пробил где-то глубоко под землёй. — Не тебе решать. Не ты светлый. Ты — кровь моя, но душа в тебе тёмная, как у всех нас. А она... — старуха снова посмотрела на Алису, и в её глазах что-то дрогнуло. Не злоба. Не жалость. Тоска. Древняя, глубокая, как сама земля. — Она — другое.

Алиса сидела, не шевелясь. Ей казалось, что воздух в горнице сгустился, стал вязким, как кисель. Она хотела что-то сказать, но язык не слушался. Хотела встать — ноги приросли к полу.

А баба Нюра уже тяжело поднималась с лавки. Подошла к столу, взяла стакан с водой. Протянула Алисе.

— Пей. Родниковая. Чистая. Силы тебе понадобятся.

Вода в стакане была прозрачная, но когда Алиса взяла его в руки, ей почудилось, что в глубине что-то шевельнулось. Тень. Или отражение. Или просто усталые глаза играли с ней злую шутку.

— Алиса, не пей! — Андрей дёрнулся к ней, но баба Нюра даже не обернулась.

Алиса поднесла стакан к губам. Вода была холодная, вкусная — не то что из-под крана в городе. Она сделала глоток, потом ещё. И только когда опустила стакан, заметила, что Андрей смотрит на неё с ужасом.

— Вкусная, — сказала она, улыбнувшись, хотя улыбка вышла вялой. — В городе не такая.

Баба Нюра забрала стакан, поставила на стол. Пальцы у неё дрожали — или Алисе это только показалось?

— Устала, поди. С дороги. Иди, отдохни. Комната там, за печкой. Андрюша покажет.

Она отвернулась к окну. Разговор был окончен.

Андрей молча взял Алису за руку и повёл в маленькую комнату. Там было ещё темнее: железная кровать, застеленная лоскутным одеялом, деревянный стол, икона в углу — Богородица с тёмным, почти чёрным ликом. Окно выходило на лес. На подоконнике — ещё один засохший цветок и огарок свечи.

Андрей закрыл дверь и прислонился к косяку. Лицо у него было белое, губы дрожали.

— Алиса... прости меня. Я не знал. Клянусь, я не знал, что она так будет. Она никогда... она раньше другая была.

— Андрей, всё хорошо, — Алиса сама не узнала свой голос. Он был какой-то чужой, ватный. — Она же твоя бабушка. Просто... странная. В деревнях все такие.

Она хотела ещё что-то добавить, но её вдруг повело. Глаза стали слипаться сами собой, ноги подкосились. Андрей едва успел подхватить её и уложить на кровать.

— Ты чего? Алиса!

— Устала... — прошептала она. — Просто устала...

Лоскутное одеяло пахло травами и чем-то сладким. Тем самым запахом, что и весь дом. Алиса закрыла глаза.

И провалилась.

Темнота.

Потом — звук. Кап. Кап. Кап.

Она открыла глаза. Но это была не комната.

Она стояла босиком на холодной земле. Вокруг — лес. Деревья чёрные, голые, хотя наверху, в мире живых, было лето. Земля под ногами влажная, чавкает. Впереди — поляна. На поляне — плоский камень с желобом. Рядом — колодец. Старый, из почерневших брёвен, без сруба — просто дыра в земле, обложенная камнями.

Из колодца поднимался пар. Или дыхание.

На камне сидела женщина. Молодая. Лет сорока. В тём-

ном платке. Лицо смутно знакомое — те же светлые глаза, тот же острый подбородок. Баба Нюра. Только молодая. В руках у неё был нож с чёрным лезвием.

Она смотрела на Алису и улыбалась — ласково, почти по-матерински.

— Пришла, — сказала она мягким, певучим голосом. — Хорошая девочка. Не бойся. Тут тихо. Тут покой. Посиди со мной.

Она погладила камень рядом с собой. Камень был тёплый. Он ждал.

Где-то за деревьями раздался крик. Далеко, глухо, как из-под воды.

— Алиса! Алиса, проснись!

Андрей.

Молодая баба Нюра даже не обернулась.

— Не слушай, — сказала она всё так же мягко. — Он не понимает. Он мужчина. Они все не понимают. А мы с тобой — другое. Мы — жизнь даём. Или покой. Садись.

Камень манил. Колодец дышал.

— Это сон? — спросила Алиса. Голос её прозвучал глухо, будто через вату.

Женщина улыбнулась.

— Сон. И не сон. Иди сюда. Садись.

Алиса сделала шаг. Ещё один. Камень был уже близко — она чувствовала его тепло кожей, хотя ещё не касалась.

— Алиса! Алиса, мать твою, проснись!!!

Голос Андрея разорвал тишину, как нож. Алиса вздрогнула и резко распахнула глаза.

Комната. Лоскутное одеяло. Огарок свечи на подоконнике. Андрей сидел на краю кровати, тряс её за плечи. Лицо у него было белое, глаза красные.

— Слава богу! — выдохнул он. — Ты стонала. Я тебя не мог разбудить. Минут пять тряс.

За окном уже темнело. Летний вечер сгустился быстро, как будто кто-то прикрутил фитиль у солнца. Над лесом висела круглая луна — слишком большая, слишком жёлтая.

Алиса села на кровати. Голова кружилась, во рту был странный привкус — не то трав, не то земли.

— Где баба Нюра? — спросила она хрипло.

— Там, — Андрей кивнул на дверь. — Я с ней поговорил. Потом расскажу. Мы уезжаем завтра утром. Я обещал.

Алиса хотела что-то сказать, но вдруг заметила в углу, под иконой, что-то маленькое, тёмное. Чего раньше не было.

— Что это?

Андрей проследил за её взглядом. Нахмурился. Встал, подошёл, наклонился.

— Не знаю. Какая-то тетрадь.

Он поднял её. Старая, в чёрной клеёнчатой обложке, с обгоревшими углами и корешком, перемотанным суровой ниткой. Из неё выпал сухой цветок — белый, с фиалковым отливом.

— Не трогай, — сказала Алиса. Сказала быстрее, чем по-

думала. — Положи, где было.

Андрей удивлённо посмотрел на неё, но спорить не стал. Положил тетрадь обратно в угол.

— Завтра уедем, — повторил он. — Спи.

Алиса легла, но спать не могла. Она смотрела в тёмный угол, где лежала тетрадь, и чувствовала, как что-то внутри неё медленно, неумолимо меняется.

А за окном, над лесом, висела круглая луна.

И где-то далеко, за деревней, снова раздался тот звук. Низкий. Голодный. Ждущий.

Глава 4. Похищение

Алиса проснулась от холода.

Не от того холода, что бывает, когда сползло одеяло или открылась форточка. От другого — глубинного, пробирающего до костей. Такого, будто сама земля дышала стужей сквозь половицы.

Она села на кровати. Лоскутное одеяло сбилась в ногах. Рядом никого не было — Андрей, видимо, вышел. За окном стояла глубокая ночь. Луна — та самая, круглая и слишком жёлтая — заливала комнату светом, от которого тени на стенах казались живыми. Они шевелились. Или это только чудилось?

Алиса прислушалась. В доме было тихо. Слишком тихо. Даже сверчок за печкой молчал. Даже половицы не скрипели. Только где-то далеко, за лесом, снова раздавался тот звук — низкий, утробный, голодный.

Она спустила ноги с кровати. Пол был ледяным. Алиса поёжилась, но встала. Накинула на плечи лёгкую кофту, висевшую на спинке кровати, и на цыпочках вышла в горницу.

Темно. Только лунный свет из окна выхватывал край стола, стакан с водой, горбушку хлеба. Лавка у печи пустовала. Бабы Нюры не было.

— Андрей? — позвала Алиса шёпотом.

Никто не ответил.

Она прошла к двери, ведущей на двор. Та была приоткрыта. Из щели тянуло ночной свежестью и чем-то ещё — сладковатым, приторным. Тем самым запахом, что она уже чувствовала днём. Формалин.

Алиса толкнула дверь и вышла на крыльцо.

Ночь обрушилась на неё всей тяжестью. Луна висела низко, огромная, налитая красным — не жёлтая, как раньше, а именно красная, будто пропитанная кровью. Звёзд не было. Лес вокруг стоял чёрной стеной, и оттуда, из этой черноты, доносился всё тот же звук. Теперь ближе. Громче. Голоднее.

— Андрей? — снова позвала она, уже громче.

Тишина.

Алиса спустилась с крыльца. Босые ноги коснулись холодной, влажной от росы травы. Она пошла через двор, мимо старой телеги без колёс, мимо курятника, из которого не доносилось ни звука — ни кудахтанья, ни хлопанья крыльев. Будто вся живность вымерла.

Впереди темнел маленький домик — деревенский туалет. Алиса направилась к нему, но не дошла.

Удар.

Тупой, тяжёлый, в затылок. Голова взорвалась болью, перед глазами поплыли красные круги. Она попыталась вскрикнуть, но из горла вырвался только сдавленный хрип. Ноги подкосились, и она рухнула в траву, в холод, в темноту.

Последнее, что она услышала, прежде чем сознание погасло — молодой, ломкий голос, полный страха и злого вос-

торга:

— Нас за это примут... Община будет довольна... Тащите к камню!

Голос Коляна.

Темнота. Гул в голове. Запах сырой земли и пота.

Алиса приходила в себя рывками. Сначала — боль в затылке, пульсирующая, тошнотворная. Потом — осознание, что её куда-то тащат. Руки были связаны за спиной чем-то грубым — верёвкой, которая врезалась в запястья при каждом рывке. Пятки бились о корни, о камни, о влажную лесную подстилку. Ветки хлестали по лицу, по голым ногам.

Она попыталась открыть глаза. Получилось не сразу — веки налились свинцом. Но когда получилось, она увидела только мелькание теней, красный свет и спины в чёрных толстовках.

— Быстрее, быстрее! — голос Коляна, срывающийся, злой, испуганный. — Она очнётся — кричать будет!

— Да заткнись ты, — второй голос, хриплый, постарше. — К ведьме её тащим. Они там разберутся. Скажем — сами поймали, сами принесли. За это нас уважать начнут. В «Родник» возьмут.

— А если она... это... того? — третий, совсем молодой, дрожащий. — Мы ж её не убивать... мы ж только показать...

— Тащи, я сказал!

Рывок. Алиса вскрикнула — не столько от боли, сколько от ужаса. Её не просто тащили. Её несли к чему-то. К че-

му-то, чего она не понимала, но уже чувствовала каждой клеточкой тела.

Лес кончился. Они вышли на поляну.

Алиса увидела её — и обмерла.

Та самая поляна. Из сна. Плоский камень с желобом. Старый колодец из почерневших брёвен. Вокруг — люди. Много людей. В тёмных балахонах с капюшонами, скрывающими лица. В руках у некоторых — факелы, но пламя было странное: не жёлтое, не оранжевое, а тускло-красное, будто присыпанное пеплом.

И луна. Красная. Огромная. Висела прямо над поляной, как глаз.

Её бросили на камень. Спина ударилась о холодную, шершавую поверхность. Алиса застонала, попыталась приподняться, но чьи-то руки тут же прижали её обратно. Женские руки. Холодные. Профессиональные.

— Лежи, — сказал голос над ухом. Спокойный, почти ласковый. — Не дёргайся. Хуже будет.

Алиса скосила глаза. Над ней склонилась женщина. Бледное лицо, серые глаза, русые волосы, туго стянутые в пучок. Медицинский халат поверх тёмной одежды. Лена. Фельдшер.

— Что... что происходит? — прохрипела Алиса. Язык еле ворочался. — Где Андрей? Баба Нюра?

Лена не ответила. Она деловито осматривала её руки, направляла верёвки, проверяла пульс на шее.

— Хорошая, — сказала она кому-то, кого Алиса не видела. — Здоровая. Кровь чистая. Светлая.

Из толпы вышел Пётр Степанович. Капюшон был откинут, лицо в красном свете луны казалось вырезанным из старого дерева. Он смотрел на Алису без злобы, без интереса — как мясник смотрит на тушу.

— Ну и кого вы приволокли, щенки? — спросил он, не оборачиваясь.

Колян выступил вперёд. Его трясло — то ли от страха, то ли от возбуждения.

— Невесту... ведьмину. Светлая. Для ритуала. Мы... мы сами. Мы слышали, что нужна. Вот.

Пётр Степанович медленно повернулся к нему. Колян съёжился под его взглядом, как побитая собака.

— Кто вам сказал про ритуал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.